

Дмитрий Воронин

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат губернаторской премии «Признание». Лауреат издания «День Литературы» (Москва), лауреат первой премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия» (Москва). Публиковался более чем в 60 «толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья, в том числе: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток», «Петровский мост». Участник более 60 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в пос. Тишино Калининградской области.

Честная служба

1.

Михася Ярошука призвали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела – милости просим в доблестные войска, защищать честь и незалежность Украины.

Михась – парубок видный, высокий, под метр девяносто, мускулистый, батьке и деду справный помощник во всех домашних делах. Он и дров порубить, и сена заготовить, и мешки с картоплей в тракторный прицеп накидать, и воды матери в огород вёдрами натаскать, и теплички покрыть, а ещё огурцы-помидоры в корзинах домой отнести, яблоки в подпол спустить, скотину, когда надо, прибрать. В общем, нужный работник в доме, послушный и безотказный, родительская гордость. Всем бы таких детей, горя б люди не знали.

Михась и охотник что надо, снайпер знатный, зверю шанса не даст, дедова закваска. В кухне благодаря ему всегда мясо найдётся.

– Михася в армию берут, свято в доме, – гордо расхаживал по горнице, разглаживая седые обвисшие усы, дед Сашко. – Надо проводить хлопца, чтоб всем кругом знатно было. Народ созывать пора. Когда ему, напомни, – обратился он к отцу призывника.

– Так девятого мая иди, нехороший день, – озабоченно потёр лоб батько Андрий. – Да и в спецнабор какой-то вроде определили.

– И в чём печаль? В спецнабор! За сына не рад, что выделили из всех? Кому ещё такая честь в селе, скажи, а? То-то.

– Непокойно всё ж как-то на сердце, времена-то вон какие.

– А какие? Обычные времена. Не лучше и не хуже других времён. Всегда такое было. И с тобой, и со мной, и с дедом твоим Иваном, и с прадедом Панасом. И ничего, все служили да живы-здоровы остались. Так и Михасю это же уготовано, не сомневайся. Наша семья заговорённая, под Богом ходим, Пресвятая Дева Мария нам защитница. Поди-ка лучше девок наших созови, наказы нужно важные сделать.

Девки, две незамужние молодухи Оксанка да Ульянка – Михасины сёстры, бабка Гануся да мамка Натуся и даже совсем уж старая прабабка Хрыстя, получив мужской инструктаж, с вдохновением впряглись в предпраздничную суету. Дом и подворье намывались, украшались, подкрашивались к приёму дорогих гостей. Со скотного двора каждый день раздавались то дикий визг свиньи, то рёв обезумевшей тёлки, то испуганное кудахтанье кур да всполошённый гогот загнанных в угол гусей. В летней кухне постоянно что-то шипело и шкворчало до самого позднего вечера, а уже затемно над ней начинал куриться дымок и по округе разносился сладковатый запах браги.

– Хороша горилка будет у Андрия, – втягивали ноздрями воздух сельские мужики, проходя мимо ярошуковской хаты, – погуляем знатно.

2.

Восьмого мая в подворье Михася Ярошука собралось больше двух сотен народу. Тут и родня почти вся, кроме дядьки Василя, тут и соседи, тут и друзья-товарищи, подруги. Столы, выставленные в три длинных ряда от входа в дом и застеленные узорными бумажными скатертями, ломились от угощения. Свинина, телятина, жареные битки, птица, рыба, сало с подчерёвой, смаженные ковбасы, сыры, овощи свежие, солёные кавуны, вареники с картоплей,

фрукты, мочёная антоновка – одним словом, ешь не хочю. Да и со спиртным всё в полном порядке: горилка между блюд в двухлитровых бутылках красуется, наливочка в графинчиках искрится, вино домашнее – хочешь виноградное, хочешь яблочное, на солнышке переливается, пива наварено немерено. Праздник так праздник.

За главным столом, по центру, посадили самого виновника торжества. По правую руку от него отец с матерью, то бишь Андрий с Натусей, рядом крёстные – дядька Мирон и тётка Ева, по левую же руку самые что ни на есть старейшины семьи – прадед Иван и прабабка Хрыстя, за ними сразу дед Сашко с бабкой Ганусей. Ну и в остальном всё по справедливости. Ближе к Михасю родня ближняя, потом дальняя. И в сторонних рядах всё чин чином, с одного края дружки-подружки Михася, с другого – соседи и друзья-подруги батькины да дедовы. Только из одногодков прадеда Ивана и прабабки Хрысти никого, они последние в селе долгожители.

Андрий Ярошук за главного сегодня на правах отца новобранца, ему и застолье вести. Встал Андрий важно, тишину нагнал, кашлянул для солидности, вышиванку поправил, волосы пригладил и начал слово говорить.

– Дорогие наши все – и родня, и други, и соседи! Вот видите, какой у нас сегодня день, важный день, праздник. Вы понимаете.

За столами одобрительно закивали, подтверждая правоту сказанного.

– А то...

– И у нас було...

– Праздник в доме...

Андрий поднял руку. Сдерживая лавину чувств односельчан и дождавшись тишины, продолжил.

– Так вот, значит, я про важный день доскажу как есть. Он, конечно, очень важный, важней, может, и нет. Может, даже и главный он у нас в семье. Ну, в этот год точно,

что главный, тут и говорить нечего. А знатного в нём вот что. Наш Михась становится защитником, нашим защитником, моим и матери, деда своего и бабушки, прадеда и прабабушки, и вот сестёр своих тоже. Он и вас всех под защиту берёт. Так, правильно я слово говорю? – обвёл всех растроганным повлажневшим взглядом Андрий.

– Так, так, – загалдели кругом гости. – Хорошо говоришь, верно.

– А если так, – вновь поднял руку застольник, успокаивая собравшихся, – то вот вам истина. Все Ярошуки завсегда были честными защитниками и не сгнули в своей службе на благое дело Родины, а уберегли себя для дальнейшей пользы жизни. Уберегли для общества и семьи. Вот я и хочу дать слово старейшине нашей семьи, самому главному нашему предку, человеку почётному и геройскому, прадеду нашего Михася – Ивану Панасовичу Ярошуку. Пусть скажет своё важное слово парубку, а мы поднимем чарки и послушаем.

Вокруг разразились аплодисменты.

– Давай, дед Иван, скажи слово потомку, нехай выпитывает.

Худой, сгорбленный годами старик с заострённым ястребиным носом и слезящимися полуслепыми глазами медленно приподнялся со своего места и дрожащим голосом произнёс:

– Чего тут говорить, тут моя речь короткая. Служи честно, внучку, верой и правдой служи, как прапрадед твой Панас служил.

3.

Прапрадед Панас служил у Юзефа Пилсудского. Попал он в польскую армию в тот момент, когда пан Пилсудский с Советами воевал. Скорее даже не попал, а попался по собственной глупости. В село как-то поутру вошёл взвод солдат во главе с подпоручиком. Всех мужчин согнали на площадь

перед церковью и обнародовали добровольный указ о призыве в Войско Польское.

– Кто пойдёт к нам на службу, получит жалование и землю, – торжественно объявил с церковного крыльца благую весть подпоручик и вдруг неожиданно положил руку на плечо стоявшего чуть ниже Панаса. – Хочешь землю, хлопец?

– Хочу, пан офицер.

– Молодец, хлопча, будет тебе земля, много земли, но только после победы. Запишите героя в солдаты.

Вот так и призвали Панаса в армию. К обеду он уже при форме садился на телегу, не попрощавшись как следует ни с отцом, ни с матерью.

– Дурак, земли на могилу получишь, конечно, – только и успел сказать напоследок Панасу отец.

Панасу воевать не пришлось, повезло дураку, отправили его сразу же в лагерь для русских военнопленных, что в Стшалкове расположился. Туда русаки потоком стекали. Пан Пилсудский на тот момент хорошо трепал Красную армию, вот и скапливался служивый народец в польских лагерях. Людей для охраны катастрофически не хватало, поэтому часть новобранцев переместили в тыл надзирателями, мол, послужите пока тут великой Польше, а потом уж и на фронт. Панас, хлопец крестьянский, хваткий, сразу же смекнул, что только особое старание и рвение перед начальством спасёт его от гибели на поле боя. И он старался.

Стояла зима. И несчастные русские солдатики быстро превращались в ходячих мертвецов. Жили они в наспех сколоченных лёгких бараках, которые не отапливались, а разжигать огонь внутри помещений категорически запрещалось в целях соблюдения безопасности этих строений. Многие из красноармейцев попали в плен ещё до холодов и были в летнем обмундировании, что только усугубляло

их плачевное состояние. Холод и голод активно помогали смертушке делать своё дело.

– Эй, москаль тухлый, давай сюда! Прытче, прытче, – подозвал к себе пленного доходягу Панас, стоя в кругу охранников. – Жрать хочешь?

– Хочу, вельможный пан.

– Землю жри. Съешь три жмени, дам хлеба. Ну что, Иван, съешь?

– Афанасий я.

– Панас, – загоготали кругом охранники, – ты бачишь, тёзка у тебе выискался, Афанасий! А может, это братец твой, может, близняк? Гляньте, хлопцы, как схожи, прям один в один. Может, и ты, Панас, москаль? Что скажешь?

Панас аж поперхнулся от неожиданности. Лицо его налилось кровью, и он со всего маху ударил русака кулаком в живот, а когда тот согнулся в три погибели, сбил его с ног ударом в голову и уже лежащего принялся остервенело пинать ногами куда попало, с ненавистью приговаривая:

– Який я тёзка ему, курве москальской, який я ему тёзка!

– Хорош тебе, – через несколько минут охранники оттащили Панаса от жертвы, – не бачишь, что ли, сдох твой тёзка уже, хрипеть перестал.

– Добрый пёс знает своё дело, – усмехнулся в сторону озверевшего надзирателя лагерный хорунжий. – Честно служить будет.

4.

– Молодец, Иван Панасович, верно сказал, коротко и верно, – вновь взял слово Андрий, дождавшись, когда опустеют чарки. – Наш далёкий предок служил нашей ридной крайне всею правдою, и мы его не посрамили ни на миг, вся наша семья Ярошуков. Вот и батька мой не соврёт. Скажи своё слово, батька, твой черёд пришёл.

Дед Сашко, высокий, стройный седовласый старик, с таким же ястребиным носом, как у отца, важно встал из-за стола и поднял чарку отменного первача.

– И что тебе сказать, внучек мой, дорогой Михась? Помню тебя вот таким, – показал Сашко рукой у своего колена. – А и тогда ты лихо уже с крапивой воевал. Палку в руку – и айда рубить вражину налево и направо. И пока всю её не сничтожал, с поля боя не уходил. Храбро сражался. Хоть и жалила она тебя нещадно, а ты только губы поджимал да заново на вражину кидался. Вот так же храбро шёл в бой и батка мой, твой прадед Иванко. Храбро и честно. За правду. Вот тебе и моё слово. Служи так же честно, как твой геройский прадед Иванко. И если в бой придётся, то так же смело, как он.

...Иванко в рядах охранного батальона вошёл в белорусские Борки ранним утром, когда деревня только-только пробуждалась к работе. Зондеркоманда СС взяла Борки в плотное кольцо, а хлопцы Романа Шухевича направились по хатам – сгонять народ к бывшему сельсовету.

– Шнель, шнель, партизанское отродье!

– Пане полицай, да куда ж я с малыми дитятками? Дозвольте дома остаться.

– Геть, геть, дурна баба, сказано всем – значит, всем!

Украинские националисты силой вышвыривали из хат жителей и прикладами гнали их вперёд. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали на месте. За националистами в дома входили немецкие солдаты из команды тылового обеспечения, вытаскивали во двор наиболее ценные вещи и тут же грузили их в грузовики и подводы, управляемые местными полицаями. Одновременно из сараев выгоняли уцелевшую скотину, а когда реквизиция добра заканчивалась, поджигали подворье.

Над Борками клубился дым и стоял обречённый вой жителей.

– Эй, пострел, ты куда забрался? – улыбнулся Иванко незамысловатой хитрости пятилетнего пацанёнка, схоронившегося от беды в крапиве. – И не больно-то тебе там сидеть? Жалится же!

– Ой, дзядзька, балюча, – всхлипнул мальчуган.

– Так вылезай оттуда.

– Не магу. Матуля загадала, каб сядзеу и не вылазяць без яе дозволу.

– Так это мамка твоя меня и прислала, чтоб я тебя к ней отвёл.

– Прауда? – обрадовался пацанёнок, выбираясь из зарослей жгучей травы.

– Правда, вот те крест, – улыбаясь, перекрестился Иванко. – Давай руку, к мамке пойдём. Как зовут-то тебя, герой?

– Янка.

– Во как, тэзка, значит.

На площади у большого амбара Иванко подтолкнул мальчугана в сторону подвывавшей толпы.

– Иди, Ваня, ищи свою мамку. Там она, ждёт тебя.

Через полчаса народ загнали внутрь амбара, закрыли ворота на засов, облили деревянную постройку бензином и подожгли.

– Ярошук, – подошёл к Иванку гауптман, когда всё было кончено, – видел, как ты щенка за руку привёл. Молодец, честно служишь, хорошо воюешь. Награду получишь, как во Львов вернёмся.

5.

– Вот как-то незаметно и моё слово напутствия приспело, и мне говорить сыну важное очередь пришла, – приосанился Андрий, вобрав в себя выпирающий живот. –

А есть ли мне ещё что сказать после наших уважаемых дедов? Могу ли я после них? Есть ли у меня честь, люди добрые?

– Есть, есть, Андрий. Честь отца на сына. Говори слово, – зашумели за столами.

– Ну что ж, тогда скажу, – повернулся отец к Михасю. – Слушай сюда, сынку. Большая честь тебе вышла – служить за родную землю. Не посрами наш род вдали от дома. Будь смелым и решительным в своих помыслах. Держи своего врага на мушке верно, как дед Сашко тебя учил. А дед Сашко знатный учитель, он в службе своей врагу шансов не давал. Бери с него пример, служи честно, Михась.

... В Чехословакию Сашко Ярошук попал почти перед самым дембелем в составе воздушно-десантной дивизии с приказом взять под контроль пражский аэродром «Рузине» и обеспечить приём основных сил советской группировки войск. С Пражской весной надо было покончить раз и навсегда, как с рассадницей контрреволюции в социалистической Европе. Вот Сашко и должен был этим заняться, а ведь он уже о скорой свадьбе с Ганкой мечтал. И тут такая заваруха, будь она неладна! Все планы Сашка накрылись в одночасье, как корова языком их слизала. Никто ведь теперь не скажет, сколько это всё с чехами продлится, может, месяц, а может, и год. А если Ганка другого парня встретит? В общем, злой был Сашко на всех, ох и злой. Ходил по границе аэродрома в охранении и бубнил себе под нос: «Москали кляти, чтоб вам всем в аду гореть!»

Недели через три в очередном вечернем дозоре из зарослей кустарника, что рос вдоль дороги, ведущей к аэродрому, на Сашка и его сослуживца Максима под крики «Invaders, jdi do Moskvu!» обрушился град увесистых камней, один из которых пробил голову товарища. Максим от удара потерял сознание и тихо стонал, лёжа у обочины. Неизвестно, как бы там сложилось с самим Сашком, который

от испуга расплакался и не мог сдвинуться с места, если бы не неожиданное появление немецкого мотоциклиста, резко притормозившего около раненого. С ходу оценив обстановку, гэдээровский солдат сорвал с плеча автомат и с колена дал длинную очередь по кустам, откуда исходила опасность. Кто-то обречённо вскрикнул в обстрелянной стороне, и за этим вскриком последовали громкие всхлипы. Немецкие военнослужащие, вошедшие вместе с советским контингентом войск в Чехословакию, особо не церемонились с местным населением, в случае непослушания тут же брали оружие наизготовку и при малейшем подозрении на агрессию со стороны чехов применяли его без предупреждения. Спаситель Сашка, не обращая никакого внимания на плач и стоны в зарослях кустарника, подошёл к Максиму, отложил оружие и быстро оказал десантнику первую помощь – обработал рану, перевязал голову, сделал обезболивающий укол и по радиации связался со своими. Всё это заняло несколько минут, после чего немец повернулся к Сашку, успевшему прийти в себя.

– Ком, рус, – показал он в направлении зарослей.

Метрах в пятнадцати от дороги лежал первый чех и громко стонал. Парню было столько же лет, сколько и молодым солдатам, подошедшим к нему, – лет двадцать, не больше. Глаза у него помутнели, веки слабо подрагивали, рана в груди несчастного была страшной и не оставляла ему почти никаких шансов на жизнь. Немец передёрнул затвор и выстрелил одиночным в голову. Чех всхрипнул и затих. Сашко с благоговейным ужасом смотрел на деловито спокойного немца, который молча присел перед жертвой, быстро обшарил его карманы, достал какой-то документ и положил его в свой планшет.

– Ком, рус, – вновь поманил за собой Сашка немецкий солдат.

Пройдя ещё метров двадцать, военнослужащие обнаружили насмерть перепуганного паренька лет шестнадцати, который обречённо сидел на земле и громко всхлипывал. У мальчишки была прострелена нога.

– Аусвайс! – навёл на паренька автомат немец. – Шнель!

– Не аусвайс, – растёр слёзы по лицу мальчишка.

– Наме?

– Александр.

– Надо же, тёзка, – удивился ответу Сашко.

Немец, впервые услышав голос Сашка, холодно улыбнулся и похлопал его по плечу:

– Гут, рус!

После этого он показал на висящий на плече Ярошука «калашник».

– Хор ауф дамит.¹

– Я? – испуганно отпрянул в сторону Сашко.

– Я, я, – утвердительно кивнул немец.

– Я не могу, я не убивал людей, давай сам, – попытался выкрутиться из страшного положения Сашко.

– Найн. Ду. Дас ист дайне райхенфольге², – отрицательно покачал головой немец и вновь указал на автомат Сашка. – Шнель!

Сашко дрожащими руками снял оружие с плеча, передёрнул затвор и, закрыв глаза, выстрелил в несчастного мальчишку.

– Шарфшутце!³ – брезгливо ухмыльнулся немец, прощупывая сонную артерию убитого. – Ист тот⁴.

Ярошука вырвало.

Через минуту к ним с автоматами наперевес подбежал по меньшей мере взвод аэродромовских десантников.

¹ Здесь: «Убери этого, кончай с этим» (нем).

² Нет. Ты. Твоя очередь (нем).

³ Меткий стрелок (нем).

⁴ Здесь: «Готов» (нем).

– Что тут произошло, сержант Ярошук? – обратился к нему взводный, косясь на труп паренька

– Я... это... Мы... это... С Максимом. Они первые... А потом... Вот он... Я не хотел. Они первые... – не мог прийти в себя Сашко.

Лейтенант вопросительно посмотрел на немца.

– Рус гутер зольдат. Шарфшутце, – широко улыбнулся тот.

Через месяц Сашка демобилизовали.

– Благодарю за честную службу! Благодарности родителям за воспитание сына и в ваш сельсовет я отправил по почте, так что встретят тебя дома как героя, не сомневайся, – крепко пожал на прощание руку Ярошуку комбат.

6.

– Дозвольте и мне слово держать как крёстному Михася, – поднялся из-за стола мускулистый мужик возраста Андрия.

– Дозволяем. Говори, Мирон.

– Спасибо, братья, – степенно поклонился Мирон народу и повернулся к крестнику. – Тут, Михась, правильно вспоминали всех твоих геройских предков, и это твоя гордость и твоя сила, я тебе скажу. Но гордость эта и сила не только в них, но и в батьке твоём и моём лучшем друге Андрии. Он ведь тоже герой, служил честно, и орден есть. Так и ты, Михась, как то яблоко от яблони, служи честно, чтобы батько гордился и все гордились. Вот моё слово.

...«Духи» атаквали взвод неожиданно, не в том месте и не в то время. Одним словом, ударили тогда, когда этого удара никто не ждал. Миномётный обстрел, а после него шквальный автоматный огонь практически полностью уничтожили весь разведотряд шурави. Каким-то чудом уце-

лели только Андрий, не получивший в этом аду ни единой царапины (видать, Бог миловал), и его взводный, совсем молодой лейтенант Андрей Гончаренко, месяц назад прибывший из училища в Афганистан. Правда, лейтенанту повезло меньше: ему перебило осколками мины ногу и пуля прошла плечо. Крови взводный потерял много и тихо постанывал, временами теряя сознание. Ещё большим чудом было то, что «духи» не стали обследовать место гибели разведчиков, а быстро растворились в горах. Почему такое случилось, так и осталось загадкой, но неожиданный уход победителей дал шанс на жизнь побеждённым.

– Тёзка, – прохрипел лейтенант, когда стало окончательно ясно, что «духи» ушли, – посмотри раны, перевяжи где надо.

– Где надо... – машинально повторил Андрий, всё ещё находясь в плену у пережитого страха. Руки дрожали, и он никак не мог наложить повязку на рану взводного.

Не покидали мысли, что вот сейчас «духи» вернуться и завершат своё смертоносное дело, что он тут застрял с этим москалём вместо того, чтобы бежать подальше от этой общей могилы. «Что делать, что делать? – лихорадочно думал Андрий. – Надо уходить с этого места, надо где-то схорониться. Только вот с этим как быть? Может, грохнуть его, и дело с концом? Никто ж не узнает. А если узнают? А с ним куда? Он и шагу не ступит. На себе тащить? А ещё кормить-поить придётся. Воды и так мало. Сдохну с ним, не выйду. Лучше грохнуть».

– Андрей, ты чего такой дёрганный? – будто почувствовал что-то неладное лейтенант. – Не дрейфь, всё будет нормалёк, прорвёмся. Наши нас уже ищут, наверное. Рацию глянь у Генки, вдруг уцелела.

Рация не уцелела, как не уцелел и сам Генка, лежащий с развороченным животом на краю тропы, по которой шёл в разведку отряд.

– Лейтенант, надо уходить с этого места, «духи» могут вернуться!

– Нет, земля, нельзя уходить. Наши нас тут искать станут.

– «Духи» тоже, – поднялся во весь рост Андрий. – Я тебя понесу, где смогу, где не смогу – тащить буду. Больно будет, терпи, не ори, а то пристукну.

Лейтенант спорить не стал, да и что зря спорить, если он в полной воле Андрия.

«Может, и хорошо, что москаля не грохнул, – думал Андрий, взвалив на себя раненого, – он мне теперь как пропуск будет. К "духам" попаду – скажу, что с "языком" шёл, выкуп за себя нёс, тогда живым оставят. К своим выйду – героем буду, товарища не бросил, офицера. Медаль дадут или орден. Хорошо, что не грохнул».

Через сутки двух Андреев подобрала вертушка, возвращавшаяся на базу после выполнения задания. Орден Красной Звезды вручили Андрию Ярошуку перед всем полком ровно в тот день, когда пришёл приказ о выводе советских войск из Афганистана.

– Честный ты парень, Ярошук, настоящий товарищ, именно с таким и надо в разведку, – растроганно обнял Андрия командир полка.

7.

Михась, тщательно прицелившись, выстрелил. Какое-то мгновение он заворожённо наблюдал через окуляр снайперской винтовки за упавшим человеком, а потом осторожно стал отползать в сторону от места своего схрона.

– Ну что, Ярошук, с почином тебя, ставь зарубку на прикладе, – похлопал по плечу вернувшегося с первого задания Михася командир отряда снайперов ВСУ. – Запомни этот

8.

– Чего там, Андрий, кто звонил? – обтёрла от муки руки Наталка.

– Брат Василь с Луганщины. Сына его, Мишку, сегодня снайпер застрелил, с выпускного шёл. Вот так-то вот.

– Ой, боже ж мой, беда-то какая! – всплеснула руками Наталка. – А ведь какие надежды подавал, гордость Ярошук, отличник круглый, в университет собирался. У нас такого умного в семье и не было никогда. Как там Вера после этого? Горе-то, горе!

– Война, будь она неладна!